

Принцип эффективной оппозиции оказался малоэффективным

Комментарий к решению Федерального конституционного суда Германии от 3 мая 2016 года 2 BvE 4/14¹

Андрей Румянцев*

В споре о компетенции фракция партии Левых в Бундестаге требовала предоставить оппозиционным фракциям возможность пользоваться правами, доступными парламентскому меньшинству, даже если численность этих фракций не достигает пределов, предусмотренных Конституцией (как правило, это четверть от списочного состава Бундестага). Среди таких прав – внеочередной созыв парламента, инициация парламентского расследования и подача запроса на проведение абстрактного нормоконтроля. Федеральный конституционный суд отклонил требование Левых, сформулировав при этом ряд положений, уточняющих конституционный статус оппозиции. По мнению Суда, германская конституция содержит принцип эффективной оппозиции. Этот вывод основан на политических реалиях. В современной парламентской системе контроль правительства осуществляется не парламентом целиком, а представленными в нём оппозиционными силами. Напротив, парламентское большинство по большей части вопросов солидаризируется с правительством. По этой причине у оппозиции должна быть возможность принимать определённые решения самостоятельно. Вместе с тем Суд рассматривает оппозицию в первую очередь как политический феномен и проявляет осторожность при придании ей конституционно-правового статуса. Для выполнения своей задачи оппозиция может пользоваться правами, закреплёнными в конституции за парламентским меньшинством, которое образуется ситуативно и в которое могут входить депутаты разных политических сил, включая правительственные фракции.

DOI: 10.21128/1812-7126-2016-3-114-120

→ *Федеральный конституционный суд; демократия; оппозиция; парламентский контроль; фракция*

1. 2013 год: бесправная мини-оппозиция

Результаты выборов 22 сентября 2013 года в Бундестаг оказались неожиданными². Неожиданно много голосов, около 15 %, «сгорели», то есть были отданы за партии, не преодолевшие 15-процентный барьер. В частности, Свободная демократическая партия (СвДП), получив 4,8 % голосов, впервые в истории послевоенной Германии не попала в Бундестаг. Это привело к эффекту «усиле-

ния», так как голоса, отданные за такие партии, распределяются между партиями, прошедшими в парламент. Фракции ХДС/ХСС и СДПГ³, образовавшие так называемую «большую» коалицию, в результате получили 503 мандата из 631 (в настоящее время – 630), что составляет почти 80 % от общего числа мест, хотя за них было отдано чуть больше 67 % голосов от числа избирателей, принявших участие в выборах.

В результате перестали работать механизмы, обеспечивающие права парламентского меньшинства. Речь идёт о таких действиях, как внеочередной созыв Бундестага (предл. 3

* Румянцев Андрей Георгиевич – доктор права (Dr. jur.) (e-mail: post@law.net.ru).

¹ URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2016/05/es20160503_2bve000414.html (дата обращения: 14.06.2016).

² См.: URL: https://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/BTW_BUND_13/ (дата обращения: 14.06.2016).

³ ХДС – Христианско-демократический союз, ХСС – Христианско-социальный союз, СДПГ – Социал-демократическая партия Германии. ХДС и ХСС являются двумя самостоятельными партиями, однако традиционно образуют в Бундестаге общую фракцию.

абз. 3 ст. 39 Основного закона Германии; *далее* — ОЗ), инициация парламентского расследования (предл. 1 абз. 1 ст. 44 ОЗ), запуск процедуры абстрактного нормоконтроля (п. 2 абз. 1 ст. 93 ОЗ) и т. д. В большинстве случаев соответствующие решения могут приниматься по требованию одной четверти, то есть 25 % депутатов, лишь для внеочередного созыва Бундестага необходимо требование со стороны одной трети депутатов. Но обе оппозиционные фракции на последних выборах получили лишь около 20 % парламентских мест.

Первой реакцией на эту ситуацию был законопроект, внесённый Левыми и Зелёными, согласно которому в шести федеральных законах в качестве альтернативного условия для принятия соответствующих решений предлагалось ввести требование со стороны как минимум двух оппозиционных фракций Бундестага⁴. В дополнение к этому, партия Левых внесла другой законопроект с предложением об изменении федеральной конституции Германии в части положений, закрепляющих права парламентского меньшинства⁵ (подробнее об этом речь пойдёт ниже). Правящая коалиция выступила с ответной инициативой и предложила внести изменения в регламент Бундестага (новый § 126а Регламента), понижающие минимальное число депутатов, необходимое для принятия разного рода решений⁶. В частности, решения о начале парламентского расследования и внеочередном созыве Бундестага могли бы приниматься, если бы за них проголосовали 120 депутатов, что позволило бы обоим оппозиционным фракциям в случае полноценной мобилизации своих рядов пользоваться данными институтами.

После того как оба законопроекта оппозиционных партий были отклонены, а изменения в регламент Бундестага приняты, Левые обратились в Федеральный конституци-

онный суд Германии. Решение по этой жалобе было вынесено 3 мая 2016 года. Хотя жалоба была отклонена в полном объёме, аргументация Суда представляет интерес с точки зрения возможных взглядов на роль оппозиции и конституционно-правовые рамки её деятельности.

2. Бундестаг против Бундестага или внутрипарламентский дуализм

Жалоба была подана от имени фракции партии Левых в Бундестаге, что уже вызывает интерес, тем более что в данном контексте это имело и содержательное отношение к сути рассматриваемого спора. Фракции Бундестага являются самостоятельными субъектами публичного права. В частности, они могут быть сторонами в споре о компетенции, типичными участниками которого являются органы власти федерации (п. 1 абз. 1 ст. 93 ОЗ; § 63–64 федерального закона «О Федеральном конституционном суде»). При этом фракции могут представлять как собственные интересы, так и весь Бундестаг в целом⁷.

Именно последняя ситуация и имела место в данном деле — фракция партии Левых рассматривалась в качестве представителя Бундестага. Парадоксально, но последний выступил процессуальным противником заявителей. Эта комбинация стала возможной благодаря изменению в доктрине немецкого Конституционного суда⁸.

В своих ранних решениях Суд исходил из классической теории разделения властей, в которой противопоставляются правительство и парламент⁹. Такой подход вытекал хотя бы уже из структуры Основного закона Германии, в котором отдельные главы посвящены

⁴ См.: Bundestagsdrucksache 18/380. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/003/1800380.pdf> (дата обращения: 16.06.2016).

⁵ См.: Bundestagsdrucksache 18/838. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/008/1800838.pdf> (дата обращения: 16.06.2016).

⁶ См.: Bundestagsdrucksache 18/997. S. 3–4. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/009/1800997.pdf> (дата обращения: 16.06.2016).

⁷ Для обозначения этого феномена используется термин *Prozeßstandschaft*, который в самом широком смысле означает ситуацию, когда некое лицо выступает от своего имени, но в защиту чужих интересов, см.: Ingold A. Das Recht der Opposition: Verfassungsbe-griff — Verfassungsdogmatik — Verfassungstheorie. Tübingen: Mohr Siebeck, 2015. S. 439–443.

⁸ См.: Stüwe K. Die Opposition im Bundestag und das Bundesverfassungsgericht: Das verfassungsgerichtliche Verfahren als Kontrollinstrument der parlamentarischen Minderheit. Baden-Baden: Nomos, 1997. S. 82–83, 88.

⁹ См.: Решение от 14 июля 1959 года, BVerfGE 10, 4 [17].

правительству и Бундестагу. Однако впоследствии Суд учёл политические реалии и провёл линию водораздела иначе, а именно между правящим лагерем, состоящим из правительства и поддерживающих его парламентских фракций, с одной стороны, и парламентской оппозиции, с другой стороны¹⁰. В этой схеме парламент перестаёт быть единым целым и распадается на две части. Для обозначения этого феномена используется термин «новый» или «внутрипарламентский дуализм»¹¹.

Так как парламентское большинство, как правило, не слишком заинтересовано в оставлении интересов парламента, если они затронуты правительством, которое это большинство, собственно, и поддерживает, то функции защиты прав парламента и контроля за правительством выполняет парламентская оппозиция¹².

В первые десятилетия существования Западной Германии здесь преобладала трёхпартийная (точнее, трёхфракционная) система, при этом, как правило, две фракции входили в состав правительственной коалиции, а одна представляла оппозицию. С этой точки зрения было логично наделение отдельно взятой фракции правом на инициацию спора о компетенции.

Принято различать две ситуации, когда фракция выступает от имени Бундестага, в зависимости от того, кто является процессуальным противником, иной орган либо сам Бундестаг. В последнем случае, говоря словами Суда, «парламентское меньшинство использует права Бундестага против парламентского большинства, которое поддерживает федеральное правительство»¹³. Для полноты картины отметим, что часть литературы относится к возможности таких процессов критически и считает их недопустимым случаем совпадения истца и ответчика в одном лице (нем. — *Insichprozeß*)¹⁴.

3. Права оппозиции или парламентского меньшинства?

Пожалуй, самый интересный аспект решения касается вопроса о том, кому должны быть адресованы специфические положения, касающиеся возможностей относительно небольшого числа депутатов инициировать разного рода действия. Партия Левых полагала, что основным носителем этих прав выступает оппозиция, то есть фракции и депутаты, не поддерживающие правительство. Эта точка зрения была воплощена в упомянутом выше законопроекте о внесении изменений в конституцию Германии. В случае принятия этих поправок соответствующие инструменты могли бы активироваться, не только если за это проголосовала одна треть или одна четверть депутатов, но и если за это выступила «совокупность фракций, не поддерживающих Федеральное правительство», иными словами, если инициатива была поддержана всеми оппозиционными фракциями, независимо от числа депутатов. Подобные предложения партия Левых делает уже не впервые. Так, например, в 2008 году она предложила дополнить число субъектов, уполномоченных инициировать процедуру абстрактного нормоконтроля фракцией Бундестага¹⁵. Интересно, что абстрактный нормоконтроль — это единственный институт, в отношении которого правящая коалиция при модификации регламента Бундестага не снизила минимально необходимое число депутатов, что подчёркивает важность этого механизма.

Хотя Конституционный суд придерживается сходного мнения о распределении ролей оппозиции и парламентского большинства, он тем не менее не согласился с требованием фракции Левых об институционализации сложившейся политической практики. Суд установил, что Основной закон закрепляет принцип эффективной оппозиции¹⁶. Активная оппозиция является важным фактором контроля за правительством, при этом реализация соответствующих мер не должна зависеть от воли парламентского большинства. На решение этой задачи, по мнению Суда, направ-

¹⁰ См.: Решение от 2 августа 1978 года, BVerfGE 49, 70 [85].

¹¹ 2 BvE 4/14, Abs. 87; Ingold A. Op. cit. S. 29, 239–240.

¹² См.: Morlok M. Art. 44 // Grundgesetz: Kommentar: Bd. II: Artikel 20–82 / H. Dreier (Hrsg.). 2. Aufl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2006. Rn. 11.

¹³ 2 BvE 4/14, Abs. 67.

¹⁴ См.: Detterbeck S. Art. 93 // Grundgesetz: Kommentar / M. Sachs (Hrsg.). 7. Aufl. München : C. H. Beck, 2014. Rn. 49.

¹⁵ См.: Bundestagsdrucksache 16/8912. S. 4. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/089/1608912.pdf> (дата обращения: 16.06.2016).

¹⁶ 2 BvE 4/14, Abs. 84–90.

лены нормы о возможности инициировать разного рода процедуры группами депутатов определённого размера, значительно меньше 50 %, чаще всего 25 %.

Вместе с тем Суд счёл, что рассматриваемые институты предназначены именно для парламентского меньшинства, понимаемого буквально. Иными словами, они защищают права групп депутатов, размер которых не позволяет принимать решения большинством голосов. При этом не имеет значения, к каким фракциям эти депутаты принадлежат, а сами группы могут носить сугубо ситуативный, формально неорганизованный характер. Строго говоря, это не группы, а результаты голосований по конкретным вопросам.

В пользу такого толкования Суд привёл несколько причин. Во-первых, термин «опозиция» в тексте федеральной конституции — Основного закона Германии — не используется, хотя и встречается в решениях самого Суда. Для сравнения: в конституциях большинства немецких земель оппозиция не просто упомянута, но и имеет определённый конституционно-правовой статус, в частности ей гарантируется «равенство шансов» (например, ст. 59 Конституции Тюрингии). Во-вторых, наделение оппозиции, то есть депутатов оппозиционных фракций, особыми правами означало бы нарушение принципа равенства депутатов Бундестага (предл. 2 абз. 1 ст. 38 ОЗ).

Таким образом, по мнению Суда, конституция не предусматривает каких-либо особых прав оппозиции или оппозиционных фракций и, более того, введение таких прав само оказалось бы нарушением конституции: «В конституционном строе на базе Основного закона права парламентской оппозиции реализуются посредством прав парламентского меньшинства... Согласно Основному закону, права парламентского меньшинства предоставляются депутатам в случае соблюдения определённых количественных требований, независимо от их [партийной] принадлежности... конституция ни в коей мере не ограничивает пользование правами парламентского меньшинства представителями оппозиции, например оппозиционными фракциями»¹⁷.

Суд исходил из концепции автономного депутата, сформулированной в статье 38 Ос-

новного закона: депутаты «являются представителями всего народа, не связаны наказаниями и указаниями и подчиняются только своей совестью». Эта норма закрепляет принцип так называемого «свободного мандата». Как правило, при этом имеется в виду свобода от наказов избирателей и невозможность досрочного отзыва депутата. Однако формально свобода депутатов носит всеобъемлющий характер и может иметь эффект в том числе и в отношении руководства собственной партии или фракции¹⁸. Именно на такое понимание свободного мандата опирается Суд, подчёркивая, что меньшинство, выступающее с определённой инициативой, может состоять из депутатов разных, в том числе правительственных, фракций. Практика парламентской деятельности в Германии, естественно, находится в полном противоречии с этой точкой зрения. Уровень партийной дисциплины, особенно во фракции ХДС/ХСС, весьма высок, и ожидать, что сколько-нибудь значимое число депутатов этой фракции выступит по какому-то важному вопросу вместе с оппозицией против правительства, равнозначно вере в чудо¹⁹.

В пользу позиции Суда говорит следующее соображение. Хотя свободный мандат, с точки зрения политических реалий, представляет собой фикцию, его декларативная поддержка, возможно, предохраняет депутатов от ещё более интенсивного контроля со стороны руководства фракций. В отношении депутата возможно принятие политических мер, например отзыв его из комитета или — в виде крайней меры — исключение из рядов фракции, но они имеют мало шансов перерасти в меры юридического воздействия. Лишить непокорного депутата его мандата практически невозможно²⁰.

¹⁸ См.: *Morlok M.* Art. 38 // *Grundgesetz: Kommentar: Bd. II / H. Dreier (Hrsg.).* Rn. 142–146.

¹⁹ Исключения лишь подчёркивают правила. Так, депутат от ХСС Петер Гаувайлер параллельно с фракцией Левых обжаловал в Конституционный суд законы о внесении изменений в Основной закон, касающиеся Лиссабонского договора о реформировании Европейского Союза, см. решение от 30 июня 2009 года, BVerfGE 123, 267.

²⁰ См.: *Morlok M.* Art. 38 // *Grundgesetz: Kommentar: Bd. II / H. Dreier (Hrsg.).* Rn. 147, 183–188.

¹⁷ 2 BvE 4/14, Abs. 92, 93.

4. Дилемма регулирования конкурентных систем или дискриминация успеха

Рассматривая тему специальных прав оппозиции или парламентского меньшинства, трудно избежать вопроса, должно ли конституционное право модифицировать результат волеизъявления избирателей, и если ответ положительный, то в какой степени. При условии, если выборы проведены без манипуляций, плохой результат, показанный партиями, оказавшимися в оппозиции, отражает низкий уровень доверия к ним со стороны избирателя. Наделение таких партий или их фракций какими-то дополнительными правами означает придание им большего веса, чем они заслужили, и с этой точки зрения вызывает сомнения. С другой стороны, перефразируя известную фразу, можно заявить, что «другой оппозиции у нас нет», и если функции, выполняемые оппозиционными силами, признаются необходимыми для адекватной работы парламентской демократии, то они должны иметь некий минимум возможностей влиять на политический процесс независимо от итогов выборов.

Эта дилемма имеет сходство с вопросом о степени государственного регулирования экономики, особенно с обоснованием и использованием антимонопольного права. Предположим, что некая компания завоевала существенную долю рынка, выпуская недорогие и качественные изделия. Антимонопольное право, скорее всего, поставит такую компанию в более сложное положение по сравнению с её менее удачливыми конкурентами. Таким образом, успех оказывается наказуемым, причём отчасти независимо от способов его достижения. Параллели между политическим процессом в демократии и рыночной экономикой являются основной темой так называемой экономической теории демократии, предложенной американским политологом Энтони Даунсом²¹. В обоих случаях наличие

конкурентов считается важным фактором работоспособности этих механизмов.

Многое решается на основании политического глазомера конституционного нормотворца. Так, в Веймарской конституции Германии была предусмотрена возможность начала парламентского расследования по требованию одной пятой части, или 20 % депутатов (предл. 1 абз. 1 ст. 34). Однако при обсуждении соответствующих норм Основного закона его создатели пришли к выводу, что для придания парламентской системе большей стабильности необходимо повысить это число до 25 %²².

Против обязательного изменения конституции, по мнению Суда, говорит и отсутствие принципиально новых фактических обстоятельств²³. Так в послевоенной истории уже возникали ситуации, когда оппозиция была представлена на минимальном уровне и не могла пользоваться соответствующими правами. В частности, такая ситуация существовала во время первой «большой коалиции» в 1966—1969 годах. В это время единственной оппозиционной партией была уже упомянутая СвДП, имевшая всего лишь около 10 % мест в парламенте²⁴. Однако возможно и другое прочтение исторических фактов. В конце 1960-х годов указанное соотношение сил в Бундестаге было одной из причин роста недовольства существующей конституционно-политической системой. Немалое число политически активных граждан были разочарованы институтом парламентаризма и приняли участие в так называемой «внепарламентской» оппозиции²⁵, наиболее жёстким или даже жестоким проявлением которой стали действия террористической группировки «Фракция Красной армии». Итогом этого сложного и противоречивого опыта стал консенсус о необходимости канализировать протестные на-

²² См.: Jahrbuch des öffentlichen Rechts. Bd. 1. Tübingen : Mohr Siebeck, 1951. S. 366—367.

²³ См.: 2 BvE 4/14, Abs. 110.

²⁴ См.: URL: https://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/fruehere_bundestagswahlen/btw1965.html (дата обращения: 16.06.2016).

²⁵ См., например: *Borowsky P.* Große Koalition und Außerparlamentarische Opposition. URL: <http://www.bpb.de/izpb/10098/grosse-koalition-und-ausserparlamentarische-opposition>; Die Geschichte der RAF. URL: <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/geschichte-der-raf/> (дата обращения: 16.06.2016).

²¹ *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. New York : Harper & Row Publishers, 1957. См. также: *Румянцев А.* Много партий хороших и разных?.. Анализ изменений российского закона «О политических партиях» с точки зрения экономической теории демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6(91). С. 57—75.

строения. С тех пор, как минимум, декларативная поддержка важности оппозиционной деятельности в парламенте является константой политической жизни Германии. Справедливости ради заметим, что Конституционный суд Германии заявил о необходимости оппозиции для работы демократической системы уже в одном из своих первых решений в 1952 году²⁶.

5. Изменение конституции по решению Конституционного суда?

Хотя Суд отклонил требование заявителя о внесении изменений в конституцию, он рассмотрел этот вопрос по существу, что является революционным шагом. Суд признал саму возможность изменения конституции на основании своего решения. Технически это осуществляется принуждением участников конституционного нормотворчества — Бундестага и Бундесрата — к принятию необходимых решений относительно текста конституции. Конечно, согласно доктрине немецкого Конституционного суда, такие действия означали бы не изменение конституции, а «всего лишь» работу над её текстом, чтобы сделать «скрытое явным». Иными словами, явным образом должны были быть сформулированы положения, в конституции уже содержащиеся.

Обязанность изменить текст конституции могла возникнуть, если бы Суд пришёл к выводу о том, что конституционный принцип эффективной оппозиции реализован в недостаточной степени. Однако в связи с этим Суд подтвердил свою прежнюю доктринальную позицию, согласно которой внутриконституционные противоречия невозможны, а иерархия внутри множества конституционных норм, в которой положения — нормы или принципы — с меньшей юридической силой должны соответствовать положениям с большей силой, отсутствует²⁷.

Представляется, что эти две позиции трудно согласовать друг с другом. Если мы меняем

текст конституции, причём из-за того, что поступить иначе нельзя, так как это не вопрос усмотрения нормотворца, а необходимость, признанная конституционным судом, это означает, что текст конституции имеет недостатки. При этом критерием для выявления таких недостатков являются другие положения конституции: система самореферативна. Конечно, можно утверждать, что подобная ситуация не представляет собой конфликт, а всё сводится просто к редакционной работе. Однако это вопрос перспективы, и то же самое можно утверждать и в отношении противоречий между обычными законами, а также между законами и конституцией. Тем более что на практике такое действительно часто оказывается просто технической недоработкой (законодатель что-то недосмотрел или упустил).

Библиографическое описание:

Румянцев А. Принцип эффективной оппозиции оказался малоэффективным. Комментарий к решению Федерального конституционного суда Германии от 3 мая 2016 года 2 BvE 4/14 // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3 (112). С. 114–120.

Effective opposition principle appeared low effective

A commentary on German Federal Constitutional Court decision of May 3, 2016 (2 BvE 4/14)

Andrey Rumyantsev

Dr. jur. (e-mail: post@law.net.ru).

Abstract

In the case brought before the Federal Constitutional Court on a dispute between supreme federal bodies, the parliamentary group of the Left Party required that some rights granted to the parliamentary minority could be enjoyed by the opposition even if the number of its members were under the threshold defined by the German Constitution, typically one quarter of the members of the Federal Parliament, the Bundestag. Among those rights are several very important — the initiation of a parliamentary inquiry, convening the Bundestag, or submitting an application for an abstract judicial review at the Federal Constitutional Court. Though the Court rejected the request of the Left Party, it shaped some articulate ideas about the constitutional status of the parliamentary opposition. In the opinion of the Court, the Constitution provides the principle or the imperative of an effective opposition. This conclusion is based on the political circumstances. In the current parliamentary system, the government is monitored primarily not by the parliament as a whole but rather by the oppositional minority. On the con-

²⁶ Решение от 23 октября 1952 года, BVerfGE 2, 1 [13].

²⁷ См.: 2 BvE 4/14, Abs. 111. Впрочем, заметим, что в цитируемом Судом решении возможность неконституционных норм в конституции не отвергается абсолютно, см.: BVerfGE 3, 225 [232, 235]. См. также: *Benda E., Klein E., Klein O.* Verfassungsprozessrecht. 3. Aufl. Heidelberg: C. F. Müller, 2012. S. 230 (Rn. 546).

trary, the majority's positions often match the ones of the government. For this reason, the opposition should be able to take some decisions independently from the majority. Nevertheless, the Court primarily considers the opposition as a political phenomenon and is very careful when offering them any specific constitutional status. The opposition can use the rights of the parliamentary minority in order to perform their political function. However, the minority rights are not limited to the opposition and can be used by any members of the Bundestag, including those of them who usually and generally support the Government.

Keywords

Federal Constitutional Court; democracy; opposition; parliamentary scrutiny; parliamentary group.

Citation

Rumyantsev A. (2016) Printsip effektivnoy oppositsii okazalsya maloeffektivnym. Kommentariy k resheniyu Federal'nogo konstitutsionnogo suda Germanii ot 3 maya 2016 goda 2 BvE 4/14 [Effective opposition principle appeared low effective. A commentary on German Federal Constitutional Court decision of May 3, 2016 (2 BvE 4/14)]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3, pp. 114–120. (In Russian).

References

- Benda E., Klein E., Klein O. (2012) *Verfassungsprozessrecht*, 3. Aufl., Heidelberg: C. F. Müller.
- Downs A. (1957) *An Economic Theory of Democracy*, New York: Harper & Row Publishers.
- Dreier H. (Hrsg.) (2006) *Grundgesetz: Kommentar: Bd. II*, 2. Aufl., Tübingen: Mohr Siebeck.
- Ingold A. (2015) *Das Recht der Opposition: Verfassungsbegriff – Verfassungsdogmatik – Verfassungstheorie*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Rumyantsev A. (2012) Mnogo partiy khoroshikh i raznykh?.. Analiz izmeneniy rossiyskogo zakona "O politicheskikh partiyaх" s tochki zreniya ekonomicheskoy teorii demokratii [Many parties – good and diverse?.. An analysis of changes in the Russian law "On political parties" from the viewpoint of the economic theory of democracy]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 6, pp. 57–75. (In Russian).
- Sachs M. (Hrsg.) (2014) *Grundgesetz: Kommentar*, 7. Aufl., München: C. H. Beck.
- Stüwe K. (1997) *Die Opposition im Bundestag und das Bundesverfassungsgericht: Das verfassungsgerichtliche Verfahren als Kontrollinstrument der parlamentarischen Minderheit*, Baden-Baden: Nomos.